

© 2007 г. *А.В. Афанасьева*

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В начале 90-х гг. XX в. экстремальное развитие миграционных процессов на постсоветском пространстве, усиление проблем внешней и внутренней миграции и нелегальной иммиграции в России, потребовало оперативного государственного вмешательства и создания новой для Российской Федерации системы, включающей институциональную структуру, нормативно-правовую базу, механизмы и инструменты реализации миграционной политики, ее финансовое обеспечение. Регистрация беженцев и вынужденных переселенцев началась в России с 1 июля 1992 г., с момента создания Федеральной миграционной службы (ФМС России). По данным органов МВД России к началу 1992 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано около 300 тыс. человек, вынужденно покинувших государство своего постоянного проживания. К 1995 г. было зарегистрировано более 600 тыс. человек вынужденных переселенцев и беженцев из бывших союзных республик [1, с. 26]. Начиная со второй половины 90-х гг. XX в. по настоящее время, как отмечает И.П. Цапенко, «вынужденные перемещения населения приняли огромные масштабы» [2, с. 48]. Суммарный объем миграционных потоков через границу России, зарегистрированный на постах иммиграционного контроля только за 2004 г., составил свыше 20 млн. человек. Для сравнения, в 2003 г. он составил 1 млн. 227 тыс. человек [3, с. 7].

В условиях стихийной и неуправляемой миграции не учитываются реальные возможности социальной инфраструктуры, увеличиваются диспропорции региональных рынков труда, растет социальная напряженность, создаются условия для распространения среди населения Российской Федерации идей ксенофобии и национальной нетерпимости. В отечественных исследованиях последних лет, поднимается вопрос о том, что Федеральная миграционная служба Российской Федерации, система управления и система учреждений, созданная более десятилетия назад, не отвечает тем изменениям, которые произошли в социально-экономической и миграционной ситуации в России в начале XXI в. [4, с. 160]. Обращение к историческому прошлому, анализ механизмов и инструментов реализации миграционной политики, применявшихся в нашей стране на рубеже XX – XXI в., помогает выявить и объяснить причины современных проблем, перед решением которых стоит российское общество.

В качестве примера реализации государственной миграционной политики избрана Курская область – регион с благоприятными природно-климатическими условиями, выгодным географическим положением, развитой инфраструктурой рабочих мест, совокупностью факторов привлекательных для мигрантов. По мнению демографов, Центрально-Черноземный регион, наряду с Поволжским, относится к «наиболее предпочтительным для вселения иммигрантов» [5, с. 50].

Источниковой базой статьи послужили материалы текущего архива Управления Федеральной миграционной службы Курской области и статистические ежегодники Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Курской области за 1997 и 2001 гг. В 1997 г. вступили в силу Соглашения между правительствами Российской Федерации и ряда стран постсоветского пространства (Киргизии, Латвии, Туркмении и др.) о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев. Мигрантам, добровольно покидающим вышеперечисленные республики, статус вынужденного переселенца стал предоставляться в Посольстве РФ, и дальнейшее обустройство на новом месте жительства мигрантами стало проводиться самостоятельно. С 2001 г. наблюдалось резкое сокращение регистрируемой иммиграции, вызванное изменениями законодательства РФ. С октября 2000 г. на граждан государств – участников СНГ перестало распространяться действие закона «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации». В дальнейшем, вступление в силу ФЗ РФ «О гражданстве Российской Федерации» № 62 от 31 мая 2002 г. ужесточило критерии приобретения гражданства Российской Федерации. Таким образом, в данной статье, под историческим периодом «рубеж XX – XXI в.», будет пониматься сравнительный анализ миграционных показателей 1997 и 2001 гг.

Всего на территорию Курской области с 1992 по 2001 гг. прибыли и зарегистрированы по месту учета более 40 тыс. мигрантов из республик бывшего СССР, из них 70% не имеют статуса вынужденного переселенца, т.к. не зарегистрированы в территориальном органе Федеральной миграционной службы [6]. Реализация государственной миграционной политики в Курской области проводится в рамках выполнения положений действующего законодательства, в т.ч. ФЗ РФ «О вынужденных переселенцах» № 4530 от 19 февраля 1993 г., ФЗ РФ «О беженцах» № 4528-1 от 19 февраля 1993 г., соответствующих Указов Президента РФ и Постановлений Правительства РФ по вопросам миграции. Всего с начала регистрации в соответствии с Законом РФ «О вынужденных переселенцах» в период с 01. 07. 1992 г. по 01. 04. 2001 г. статус вынужденного переселенца в Курской области был предоставлен 10585 российским гражданам [6]. Курская область в отдельные годы благодаря вынужденной миграции имела прирост населения. Например, в период

с 1995 по 1998 гг. миграционные процессы носили положительный характер: в область прибыло 30 тыс. человек, а выбыло 8,4 тыс. человек. Следовательно, предварительный миграционный прирост составил 21,6 тыс. человек [7, с. 54].

С 1997 по 2001 гг. география вынужденных миграций в Курской области постоянно менялась, отражая картину межэтнических конфликтов и в целом общественно-политической ситуации на постсоветском пространстве. Наиболее многочисленные потоки вынужденных мигрантов прибыли в Курскую область из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и Азербайджана. Сложная социально-экономическая ситуация, открытые вооруженные конфликты и обострение межнациональных отношений в этих государствах, процессы «национализации» кадров, системы образования и средств массовой информации, сокращение числа русскоязычных школ и детских дошкольных учреждений способствовали вынужденной миграции как русскоязычного, так и коренного населения (Закавказье, Таджикистан). Доля мигрантов из Казахстана в Курскую область, в общем притоке вынужденных мигрантов, нарастала практически непрерывно. В 1997 г. этот регион дал 13% вынужденных мигрантов, в 1998 – 25%, в 2001 – 49% [8, с. 65]. Для мигрантов из Казахстана основным выталкивающим фактором стал экономический. Падение производства и уровень безработицы были ниже, а уровень отдельных видов социальной защиты (пенсионное обеспечение, образование) – в России, несмотря на глубокий экономический кризис середины 90-х гг. XX в., был значительно выше, чем в Казахстане.

Среди мигрантов, прибывших в Курскую область, преобладают русские – более 85 %, украинцы – около 10%, белорусы – 0,3%, татары – 0,25%. В 1997 г. согласно отчета о социально-демографическом составе вынужденных переселенцев по регионам выхода по состоянию на 01. 01. 1998 г. в Курскую область прибыло: русских – 7251 человек, украинцев – 834, белорусов – 303, татар – 139, немцев – 63, азербайджанцев – 58, грузин – 40, чеченцев – 15, евреев – 14, турок-месхетинцев – 11, и 256 человек других 30 национальностей [9]. По состоянию на 01. 01. 2002 г. в Курскую область прибыло: русских – 83,8%, украинцев – 5,5%, белорусов – 1,2%, татар – 1,2% [10]. С нашей точки зрения эти цифры свидетельствуют о том, что национальный состав мигрантов в Курской области достаточно однороден и в среднем на 92,9% состоит из представителей коренных для России национальностей славянской группы (русских, украинцев, белорусов).

Среди мигрантов, прибывших в Курскую область в 1997 г., 45,3% мужчин и 54,7% женщин. Лиц трудоспособного возраста – 55,3%, старше трудоспособного – 14,4%, детей до 15 лет – 30,3%. В 2001 г. в Курскую область прибыло 44,6% мужчин и 55,4% женщин. Лиц трудоспособного возраста – 57%, старше трудоспособного – 21,2%, детей до 15 лет – 21,7%.

Сравнив социально-демографический состав мигрантов, прибывших в Курскую область, можно сделать вывод, что средний возраст мигрантов в 1997 г. был равен 31,9 годам и 36,5 года в 2001 г. Мигранты «постарели» на 4,6 года. При этом существенно сократилась доля детей и подростков в возрасте от 0 до 15 лет, на 8,6%. Более половины прибывших как в 1997 г., так и в 2001 г. составили женщины, их доля, в общей численности прибывших увеличилась на 0,7%.

Уровень образования вынужденных переселенцев, прибывших в Курскую область в 1997 г., характеризуется следующими показателями: высшее образование имели 14,1% мигрантов, незаконченное высшее и среднеспециальное – 19,4%, среднее общее – 41,5%. Сравнив данные отчетов о социально-демографическом составе вынужденных переселенцев на 01. 01. 1998 г. и на 01. 01. 2002 г. видно, что уровень образования мигрантов изменился в сторону увеличения и составил: 19,6%, 29,7% и 50,7% соответственно. По нашему мнению, мигранты имеют достаточно высокий уровень образования, что поможет заполнить вакансии на рынке труда и повысить образовательный уровень населения Курской области. С точки зрения пополнения квалифицированными специалистами и возможности получения финансовой поддержки из федерального бюджета, процесс миграции в Курской области рассматривается местными администрациями как положительный фактор, но отсутствие собственных финансовых ресурсов создает значительные трудности по приему и обустройству вынужденных переселенцев в некоторых районах Курской области.

По территории Курской области мигранты, получившие статус вынужденного переселенца, распределились следующим образом: в 1997 г. из общего количества – 8984 человек, 49% поселились в городе, 51% в сельской местности. В 2001 г. из 6052 человек 48,8% выбрали местом жительства город и 51,2% сельскую местность. Эти цифры показывают, что расселение семей вынужденных переселенцев в городах и районах Курской области происходит примерно равными долями. При этом размещение по территории области имеет нерегулируемый характер. Из устных интервью с мигрантами, было установлено, что на выбор нового места жительства влияют следующие факторы: возможность проживать или прописаться у родственников; возможность трудоустроиться по специальности в областном или районном центре, или возможность трудоустроиться на рабочем месте в сельскохозяйственном производстве; наличие свободного земельного фонда и относительно дешевый рынок вторичного жилья в районах области, что позволяет вести приусадебное хозяйство и обеспечивать семью продуктами питания.

Серьезной проблемой с точки зрения интеграции и адаптации мигрантов в процессе переселения на рубеже XX – XXI в. стала невозможность значительного количества семей вынужденных переселенцев к самостоятельному обустройству на новом месте жительства. Более 30% семей вынужденных переселенцев, среди них – многодетные и неполные семьи, одинокие пенсионеры, семьи, имеющие инвалидов, относятся к

категории социально-незащищенных [10]. По прибытии они продолжают проживать у родственников, знакомых, в общежитиях, приспособленных помещениях и состоят на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий в органах исполнительной власти. Механизм реализации государственной миграционной политики в Курской области определен Федеральной программой «Миграция», Федеральной программой «Дети семей беженцев и вынужденных переселенцев», постановлениями Правительства РФ «О предоставлении временным переселенцам долговременной беспроцентной возвратной ссуды на приобретение (строительство) жилья», «Об утверждении Положения о жилищном обустройстве вынужденных переселенцев в Российской Федерации» и др. В 1997 г. для обустройства вынужденных переселенцев на территории Курской области, относящихся к категории социально-незащищенных слоев населения (многодетные и одинокие семьи, ветераны ВОВ, одинокие инвалиды, инвалиды труда) было приобретено (построено) жилой площади на сумму 8 млн. 401,7 тыс. рублей для 15 семей из 64 человек. Количество вынужденных переселенцев, относящихся к социально-незащищенной категории, в 1997 г. составило 34 семьи из 107 человек. В 2001 г. 22 семьи из 72 человек получили жилье на сумму 1 млн. 425,8 тыс. рублей. Количество вынужденных переселенцев, относящихся к социально-незащищенной категории, в 2001 г. составило 11 семей из 46 человек. В 1997 г. 101 семья получила единовременные пособия и материальную помощь на сумму 2 млн. 554,2 тыс. рублей, в 2001 г. 51 семья на сумму 1 млн. 739,7 тыс. рублей. Выплачено компенсаций за утрату жилья и имущества в 1997 г. 21 семьям на сумму 1 млн. 598,9 тыс. рублей, в 2001 г. 5 семьям на сумму 550,7 тыс. рублей. Таким образом, данные о социальной поддержке вынужденных переселенцев и беженцев свидетельствуют об уменьшении объемов финансовой помощи государства вынужденным мигрантам в 2001 г. по сравнению с 1997 г.

Одной из острых проблем реализации государственной миграционной политики в Курской области является социокультурная и психологическая адаптация детей из семей вынужденных переселенцев на новом месте жительства. На 01.01. 2002 г. в Курской области насчитывалось 1813 детей из семей вынужденных переселенцев (508 детей в возрасте до 5 лет и 1305 детей в возрасте от 6 до 15 лет). Ежегодно адресную материальную помощь получали 600 детей. Выделение средств на материальную помощь и летний отдых детям осуществлялось за счет средств федерального бюджета (в 1998 г. были приобретены 34 путевки в летние лагеря отдыха, в 1999 г. – 33, в 2000 г. – 42, в 2001 г. – 11) [10]. Конечные результаты по реализации программы «Дети семей беженцев и вынужденных переселенцев», направленные на комплексное решение проблем (выделение путевок в летние оздоровительные лагеря), оказались ниже планируемых, из-за недостаточного финансирования.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в Курской области на рубеже XX – XXI в. реализация государственной миграционной политики осуществлялась в соответствии с законодательной базой РФ. Ни органами исполнительной, ни законодательной власти на территории области не вводились какие-либо ограничения по приему и увеличению притока мигрантов. На фоне естественной убыли населения в исследуемый период, этнически комплементарная миграция, (в среднем 84,4% мигрантов – русские), явилась практически единственным источником восполнения потерь численности населения Курской области.

В то же время необходимо отметить наличие проблем в реализации государственной миграционной политики в Курской области. Органами законодательной власти (депутатами Курской Областной Думы) до настоящего времени не принята региональная миграционная программа, т.к. областным бюджетом не предусмотрены расходы по приему и обустройству вынужденных переселенцев. Одной из главных задач региональной миграционной политики в начале XXI в. является повышение эффективности использования миграционных потоков путем достижения соответствия их объемов, направлений и состава интересам социально-экономического развития, как в целом Российской Федерации, так и Курской области в частности. Актуальность совершенствования миграционной политики российского государства была особо подчеркнута в ежегодном Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию 2006 г. В.В. Путин отметил: «Необходимо все больше стимулировать приток в страну квалифицированной миграции, людей образованных и законопослушных. Переезжающие в Россию люди должны с уважением относиться к российской культуре, к нашим национальным традициям» [11, с. 3].

Литература

1. *Воробьева О.Д.* Миграция населения. Вып. 6: Миграционная политика. М., 2001.
2. *Цапенко И.П.* Что делать с беженцами? // Мировая экономика и международные отношения. 1997, № 12.
3. По данным Миграционной службы Российской Федерации. Официально // Комсомольская правда, 24 февраля 2005.
4. *Гришанова А.Г.* и др. Миграция населения. Вып. 1: Теория и практика исследования. М., 2001.
5. *Макарова Л., Морозова Г., Борзунова Т.* Региональные аспекты российской иммиграции // Социс. 1998. № 6.
6. Текущий архив Управления Федеральной миграционной службы по Курской области. Папка «Отчеты за 2001 г.». Дело 03-22.
7. Сводный статистический ежегодник Курской области. 1990, 1995-1999 гг. Статистический сборник / Курский областной комитет государственной статистики. Курск, 2000.

8. Сводный статистический ежегодник Курской области. 2004: Статистический сборник / Курский областной комитет государственной статистики. Курск, 2004.
9. Текущий архив Управления Федеральной миграционной службы Курской области. Папка «Отчеты за 1997 г.». Дело 03-22.
10. Текущий архив Управления Федеральной миграционной службы Курской области. Папка «Отчеты за 2001 г.». Дело 03-22.
11. Послание Президента России Федеральному собранию // Комсомольская правда, 12 мая 2006.

© 2007 г. С.О. Беляев

ПОЛИТИКА И РИСК В СТРУКТУРЕ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Становление принципиально новых общественных отношений в России, охватывающих и пронизывающих всю гамму вертикальных и горизонтальных взаимосвязей между людьми и социальными общностями, ведет к смене парадигмы бытия и мышления, ибо речь идет о модернизационных процессах, в центре которых – переход от техноцентризма к культуроцентризму. Для современной России характерна все углубляющаяся моральная деградация личности и общества, утрата кардинальных духовных ценностей, «парадоксальность» правового сознания, когда человек ратует за правопорядок, законность и в то же время считает возможным нарушить законы, если это будет «полезно для дела» [1]. Декларативность законов, оторванных от реальной жизни, потребностей и интересов людей, случаи принятия законов, которые носят сугубо политический характер, правовой нигилизм, общее и правовое бескультурье – все эти факторы подчеркивают глубину и масштабы духовного и идеологического кризиса, охватившего массовое сознание нашего общества. Все симптомы рассматриваемого недуга могут быть сведены к двум основным формам: к кризису «национальной идентичности, утрате чувства исторической перспективы» и понижению уровня самооценки нации, «резко перешедшей от мессианской самоуверенности к историческому уничижению»; к разрыву «единого духовного пространства и утрате национального консенсуса по поводу базовых ценностей, ставших предметом общественной полемики» и потерявших статус «абсолютных» ориентиров» [2]. Указанные симптомы объясняют особую значимость исследования проблемы «право и культура» - проблемы, имеющей многогранную предметность, взаимопроникающее содержание и лишь в абстракции относительную расчлененность. Право и культура есть человеческие императивы познания и практики, составляющие, в единстве, сущность человеческой жизни, способы и механизмы регуляции общественных и индивидуальных отношений. Поэтому фиксация взаимосвязи этих двух понятий – право и культура – союзом «и» скорее отражает разнопредметность, отделенность их друг от друга, чем то общее единство, которое им присуще в условиях существования нормального, недеформированного общества и государства. Право есть система норм, правил возможного и должного поведения людей, критерий правомерности действия или его неправомерности. Будучи консервативным образованием, право в юридических нормах выражает волю и интересы большинства граждан данного общества. Юридические нормы тем самым исходят от народа, но закрепляются государственными органами, формулируются в государственных нормативных актах, обязательных для исполнения всеми и, в случаях их нарушения, охраняемых мерами государственного принуждения. Право опирается на действующие моральные нормы, которые формируются в общественной жизни в соответствии с представлениями людей о добре и зле, справедливости, ответственности их перед другими людьми и обществом в целом. Если нормы морали нарушаются, и отношения между субъектами не могут быть разрешены с их помощью, то вступают в силу правовые нормы в их регулятивном или охранительном содержании. Иными словами, моральная культура в ее специфическом содержании делается недостаточной для решения конкретной человеческой проблемы, после чего в действие вступает правовая культура. Правомерное и неправомерное поведение человека отражает понимание им общеобязательных границ возможного и должного поведения субъектов, что является существенным признаком норм права, культуры вообще. Вне элементарной правовой культуры и культуры вообще человеку трудно, иногда даже невозможно разобраться, осознать содержание правовых предписаний. Очевидна проблема глубокой, взаимопроникающей взаимосвязи между правом и культурой, которая не ограничивается констатацией того, что право есть нечто внешнее для человека, а культура его внутреннее содержание. Дело в том, что и право и культура могут стать для индивида как внутренним, так и внешним регулятором жизни и поведения, как, впрочем, и диалектическим единством внутреннего мира личности, многообразно проявляющимся и выражающимся. В данном случае право выступает существенной, органической частью культуры, а культура оформляется в виде системы правовых императивов. Культура, как способ, образ жизни человека (социальных общностей людей, основанных на определенных ценностях), во-первых, является основанием права, его субстанцией. Во-вторых, существенно влияя на способы, механизмы уяснения и реализации правовых норм, она включает в свое содержание в качестве одного из существенных видов правовую культуру. Если целое и часть не развиты или

деформированы, то культура как единое, целостное, системное образование теряет один из важнейших своих элементов, сама становится деформированной. Целое скрепляется правовыми нормами, правовой культурой, и если этот скрепляющий элемент ослабевает, то не просто ставится под сомнение его функциональное назначение, но и существенно подрывается содержание культуры как целостного явления. Отсутствие правовой культуры или ее деформация негативно сказывается и на других элементах, видах культуры. Так, например, правовой нигилизм и правовое бескультурье по сути дела разрушают содержание политической культуры, делают ее лишенной одного из своих опорных оснований – права. Отсутствие этого основания ведет в политике к праву власти, что негативно сказывается на углублении разрыва между человеком и властью. Власть становится абсолютной, а право – «убогой, неразвитой юридической системой – гибридом права власти и права силы, включающего неконтролируемое право войны» (С. Алексеев). Симптоматично, что и сегодня право выступает в России не как явление культуры, а остается во многом государственной системой, правом власти. Не случайно интервью генерального прокурора России Ю. Скуратова в «Известиях» печатается под следующим заголовком: «Закону или Власти служит генеральный прокурор?». Обратим внимание на два момента. Во-первых, власть пишется с большой буквы, что свидетельствует о нашей национальной беде, о которой известный юрист С. Алексеев пишет так: «Все еще сохраняются нравы, порядки и традиции Большой власти, при которой... верховенство права и правосудия невозможно по определению» [3]. Во-вторых, заголовок альтернативен. Из него вытекает, что генеральный прокурор может служить *или* закону *или* Власти. И хотя в тексте отмечено: «Мы будем служить и власти, но служить, не входя с ней в сделку, т.е. в рамках закона» [4], впечатление о доминировании в нашем обществе и государстве права власти остается. Политика должна сдерживаться правом и культурой – правовой культурой. Право – первично, а правовая культура – первична в квадрате. Политика, государство – вторичны. Они есть не цели, а средство достижения человеческих, гуманистических целей. Вне права и культуры, представленных и реализуемых в органическом единстве и многообразии своих общечеловеческих проявлений, политические институты могут только усугубить противоречия реформаторского, модернизационного процесса развития России по пути достижения правового государства, гражданского общества, неотъемлемых прав человека, независимого правосудия. «Там, где, например, происходит децентрализация без соответствующего развития культуры, имеет место рост локализма, т.е. распад целого, угрожающий автаркией, натурализацией хозяйства, конфликтами, возможно перерастающими в катастрофу» (А.С. Ахиезер). В общественно-политических системах переходного типа кардинально меняются все стороны общественного и индивидуального бытия. Эти изменения охватывают огромные массы людей, и попытки приспособиться к ним отнюдь не всегда приводят к успеху, так как речь идет о необходимости становления принципиально новой парадигмы мышления и действия, суть которой не сводится только к приспособляемости. Приспособиться можно к устоявшимся условиям жизни, если же они находятся в динамике, в стадии становления и интенсивного изменения, то механизмы приспособления, как правило, не дают ожидаемого эффекта. К тому же в политике элемент приспособляемости срабатывает вообще не часто. Многие люди относятся к политике и политикам изначально отрицательно и не желают не только участвовать в нем, но даже оценивать политических лидеров, ход политических реформ. Аполитичность мысли и действия стала очень распространенным явлением. Для аполитично настроенного человека политика и политики являются внешнезаданными субстанциями, не их делом и интересом, вторичным и мало привлекательным занятием. Поэтому в условиях гласности, отсутствии страха последствий люди, в основном, лишены приспособленческих институтов в политике. Если они и возникают, то только в период избирательных кампаний. Эту ситуацию можно выразить так: нынешняя политическая ситуация в России не способствует выработке приспособляемости в политике, а для реализма и осознанно заинтересованных действий нет достаточных, в первую очередь, культурологических оснований. Отсюда следует вывод: для большинства людей проблемы политического риска не существует, если не считать голосовательной процедуры на перманентных выборах, но и в этом случае проблема политического риска едва ли осознается. Следует также подчеркнуть, что «есть разница между добровольно выбираемым риском и риском, как бы встроенным в заданную структуру социальной жизни или модели образа жизни, которым привержен индивид. Институционализированная атмосфера риска обеспечивает некоторые условия, в рамках которых индивид может выбирать – рисковать или нет ограниченными ресурсами» [5]. Нужно отметить, что описанное нами состояние не является негативным. Напротив, оно отражает факт медленного, но неизбежного движения сознания в сторону понимания сложности политики и невозможности решать ее проблемы наскоком. Здесь также можно усмотреть элемент оправданной стихийности в сторону парадоксальной идеи: неприспособление к политике и негативное отношение к ней многих людей, стихийное по своей природе, приводит к пониманию существования политической деятельности – она должна быть полем работы профессионалов. Дилетантов, ортодоксов, приспособленцев, в политике должно быть как можно меньше. Профессиональный, разумный политик – обязательно еще и аналитик. Он неизбежно находится в зоне политического риска, а поэтому обязан четко представлять стадии его развития, уметь их анализировать, схватывать момент перехода потенциального риска в реальный и другие важные моменты политической жизни. Потенциальный риск в политике – это, собственно говоря, любая проблема общественной жизни, которая при определенных условиях становится политической. Поскольку она, как правило, новая, то возникает потребность рискованной деятельности субъектов для перевода ее в плоскость реального, т.е. существующего риска. Если *потенциальный риск* присущ всем видам политической

деятельности, и он может не распознаваться и, следовательно, не разрешаться, то *реальный политический риск* есть способ наличного политического действия, снимающего факт неопределенности политической ситуации и делающей ее более или менее определенной, четкой и ясной. Консервация потенциального политического риска ведет в политике к потере политического имиджа субъекта, безразличию лидеров к общественным делам и другим явлениям. Подобная типология политиков, которых Р. Никсон называет «мальчиками в политике, стремящихся стать чем-то», противоположна политическим лидерам, которые стремятся занять пост, чтобы делать что-то». В политике, более чем в какой-либо иной сфере, на риск стоит пойти там, где имеется больше всего шансов на выигрыш. Чем больше рискуешь потерять в случае поражения, тем больше выигрываешь в случае победы. Нельзя получить крупный выигрыш без большого риска» [6]. Таким образом, перевод потенциального риска в реальный – важное звено деятельности политика, показатель определенной зрелости его политической культуры. Разумеется, такая трансформация сопряжена с анализом конкретных стадий созревания условий риска, переводом их в стадию конкретного риска и его оценкой, определением уровня допустимого риска и другим фактам жизни. Знание стадийности политического риска является одним из обязательных условий для разработки мероприятий по снижению риска, прогнозированию его результатов и некоторой управляемости. Правда, это знание может носить общий характер, поскольку политический риск и условия, факторы, его обуславливающие, очень подвижны, но и такое знание все же лучше чем никакое. Следует также иметь в виду, что в политике один риск может накладываться на другой. При этом содержание сложенных векторов рисков не всегда очевидно, и подчас остается непонятным не только политиками, но и в еще большей степени населением.

В качестве примера приведем данные выборов в Государственную Думу России в декабре 1995 г. В них по пропорциональной системе приняло участие 43 объединения. Уровень допустимого, реального риска для многих изначально был равен нулю, поскольку преодолеть пятипроцентный барьер могли немногие, а точнее 3-4 объединения, как и предсказывали ученые. При снижении планки барьерного процента до 4-х в победителях было бы 7 объединений; до 3-х – 12; а до 2 – 11-20 [7]. Но поскольку планка не снижалась, то пятипроцентный барьер преодолели действительно 4 объединения, партии. Совершенно очевидно, что многие из непрошедших понимали утопичность своего прохождения в Думу, поэтому они не столько рисковали, сколько занимались саморекламой с целью завоевания некоторой известности и популярности. Но некоторые из претендентов попадали в зону риска и рисковали всерьез. Это были те объединения, которые находились в состоянии неопределенности и могли лишь надеяться на преодоление пятипроцентного барьера (Демократическая партия России, Конгресс русских общин, Аграрная партия России, Движение женщин России и др.). Для них риск был реальным. Они так и не смогли преодолеть известный барьер, поскольку заданные параметры оказались чересчур высоки. Однако, политический риск попадания, а по сути непопадания в Государственную Думу, повлиял на политический имидж объединений и их лидеров, что в условиях подготовки к президентским выборам в России в июне 1996 г. представлялось важным фактором для новых политических рисков. Таким образом, один вид политического риска наложился на другой и таким образом оказался в контексте динамики политического процесса. Если обратиться к стадийности политического риска, то, повторим, ее выделение носит общий характер. Политическая жизнь вносит в стадийность постоянные изменения, поэтому политикам-аналитикам стоит обращать на эту специфичность политики особое внимание. Это позволяет своевременно вносить необходимые корректировки в политическое движение. Исходной стадией политического риска является выявление внутривнутриполитических и внешнеполитических факторов, условий, которые могут увеличивать или уменьшать конкретный вид риска. К внутривнутриполитическим факторам относятся все те факторы, которые выступают содержанием данного политического субъекта (например, имидж политической партии, ее организованность, реальные дела и т.д.). Чем выше степень известности политического субъекта, чем более значимы его практические политические дела, тем в меньшей степени следует ожидать появления факторов, увеличивающих политический риск. И наоборот. Сложнее обстоит зависимость внутривнутриполитических факторов от внешних. Во-первых, внешние факторы могут оказывать влияние на внутривнутриполитические не прямо, а опосредованно, в результате чего возрастает поле неопределенности политической жизни, а, следовательно, увеличивается возможность риска. Во-вторых, при множественности внешне заданных факторов определить конкретный приоритетный фактор, влияющий на внутривнутриполитическое содержание деятельности субъекта, очень трудно. Кроме того, факторы подвижны. Выделить в определенное время и в определенной точке политического пространства преобладающее влияние какого-то одного фактора, который, к тому же, легко и быстро может быть заменен другим фактором, как минимум, проблематично. Уже сама постановка такой задачи ставит под сомнение возможность гибкого и безошибочного выявления внешнего фактора (в плане его воздействия на внутренний) и правильного определения условий политического риска. Подобная ситуация может показаться неразрешимой. Она и станет неразрешимой, если не пытаться ее понять и разрешить. При всей значимости внешних факторов меру их воздействия все же не следует ни преувеличивать, ни абсолютизировать. Не надо предполагать и искать в них первичность. Основным источником политического развития являются его внутренние факторы. Внешние – значимы, но вторичны. Они могут увеличивать или уменьшать потенциал и последующую реальность политического риска, но главные факторы есть факторы преимущественно внутривнутриполитические. Если все же внешние факторы «задают» внутренние, это будет означать потерю политическим субъектом своего «политического лица», его переход в иное субъектное или бессубъектное качество, состояние. В настоящее время к группе

повышенного риска по профессиональному признаку относят политических и общественных деятелей, работников правоохранительных органов, предпринимателей, шахтеров, работников здравоохранения. «Советы данным категориям людей с целью предосторожности включают меры, как правило, внутриполитического, личностного свойства: старайтесь не выделяться в толпе своей одеждой; избегайте обсуждения дел по телефону; не давайте своей визитки незнакомым людям; не носите при себе важную информацию; обращайтесь на возможное наблюдение за Вами» [8]. Такой интегрированный подход вполне правомерен и при анализе диалектики внутренних и внешних факторов политического риска. Так, при анализе выявленных факторов, могущих увеличивать или уменьшать политический риск, следует обращать внимание на коллективное отображение общих интересов политических субъектов, представленных в программе объединения, партии. Поскольку политика интегрирует интересы социальных общностей людей в единое, всеобщее целое, то нахождение, выявление факторов, имеющих общее значение и составляющих программу деятельности объединения или партии, является солидарным условием, существенно уменьшающим политический риск.

В политике особенно важен принцип выявления общих интересов – того, что *сближает* субъекты, а не *разделяет* их. Поэтому выявленные факторы, обсуждаясь, например, на «круглых столах» представителей многих партий, представляют собой по сути программу практической деятельности, снижающей конкретный вид Политического риска. В предвыборной ситуации 1995 г. более 20 избираемых объединений широкого политического спектра признали важным осуществлять следующие принципы: необходима мирная, демократическая смена власти; требуются законы, гарантирующие безопасность и права политиков, ушедших от власти; президентские и парламентские выборы должны состояться в конституционные сроки при строгом контроле за соблюдением закона; крайне важно вести избирательную кампанию цивилизованными методами; добиться согласия в обществе можно лишь признав плюрализм форм собственности и усилив социальную направленность реформ» [9]. Пожалуй, ни одна политическая сила, объединение, партия не выступит против приведенных выше принципов. Но их признание, увы, не означает автоматического выполнения. Более того, как показывает практика российской политической жизни, даже принятые политические решения нередко не выполняются, изменяются отдельными объединениями без согласия остальных, что ведет к появлению дополнительных рискованных ситуаций, зон риска. За анализом выявленных факторов следует стадия оценки политического риска. Если в экономической теории данная проблема разработана довольно обстоятельно, то в философии политики, политических отношениях мы видим совершенно другую картину. Отдельные публикации лишь в самом общем виде фиксируют оценки риска с точки зрения вероятности возможных потерь. «Определяя их, политик руководствуется образом допустимого для себя, ситуации уровня риска. Интерес его прикован к фразам: потеря выгоды; утрата позиций; обострение обстановки; кризис; банкротство, катастрофа» [10]. Иными словами, речь идет о потерях положительного и отрицательного смысла в риске. Следует особо подчеркнуть это положение, так как в литературе особенно отмечается негативная сторона последствия риска при его прогностике. Это односторонний подход, не учитывающий специфики онтологии политического – неопределенность, неоднозначность, многофакторность, невоспроизводимость, скоротечность (В.В. Ильин, Л.С. Панарин), а, следовательно, и множества способов оценки и изменения риска. Выделяют статистические, экспертные, математические и другие способы и методы измерения риска. Однако при этом не всегда учитывается, что политика есть особая человеческая область деятельности, в которой все способы и методы измерения риска, в конечном счете, выходят на проблему улучшения условий жизни народа, людей, удовлетворения их интересов. Поэтому, строго говоря, политический риск оправдан лишь в том случае, если его результаты отражают эту, основную, константу политической деятельности субъекта. Отсюда логически вытекает, что установка допустимого уровня риска должна предполагать возможность максимального (при данных объективных условиях, факторах и уровне политической культуры субъектов) снижения потерь политической деятельности субъекта при удовлетворении коллективных, общих интересов людей. Данная, на наш взгляд, абсолютно очевидная константа в реальной политике довольно часто скрыта от понимания многих людей. Дело в том, что в политике результат политической деятельности субъектов может носить характер неопределенной результативности, т.е. в ней трудно одновременно определить направленность и результаты деятельности субъекта в проекции на сегодняшний день. Результат может оказаться действенным или нет, может выявиться сегодня или через год. Иной пример. Политик рискует и обещает в считанные месяцы сделать жизнь людей намного лучше. На практике обнаруживается, что его рискованная деятельность изначально сведена к нулю и есть ни что иное, как способ личного обогащения, самовыражения. Объявленная политика оборачивается политиканством, суть которого состоит в обмане страждущих масс, поскольку ни форма выражения, ни действия не отражают коллективного интереса масс. Такая политика индивидуализирована вне обязательной связи с интересами целого, объединения, организации, социальных общностей людей. Допустимый уровень риска определяется в соответствии с наименьшими потерями в политической деятельности субъектов, т.е. подразумевает неудовлетворенность интересов как можно меньшего количества людей. При этом способы допустимого риска, его реализации сопряжены с насильственными механизмами, насаждаемыми «сверху» и не учитывающими интересы «низов», их конкретных структурных интересов. По этой причине уровень допустимого риска при тотальном политическом режиме часто вообще не учитывается. «Сказано – сделано», так решил лидер, вождь, и номенклатурная свита послушно выполняет волю верховного. Тут уж не до допустимого уровня.

Возможную допустимость определяет верховное лицо политической иерархии, а поскольку такие действия неизменно несут на себе отпечаток субъективности, то ни о каком допустимом уровне риска и речи быть не может. Это приводит к тому, что вполне реальные возможности определения допустимого уровня риска на практике не реализуются и оборачиваются сплошным туманом, когда не ясно: кто, когда и зачем рисковал, какова мера возможных человеческих потерь при таких рисках и т. д. Стадии подготовки, формирования политического риска, прогнозы на его осуществление обсуждаются в узком кругу «единомышленников», не выходя за рамки этого круга. Они закрыты. Война в Афганистане показала всю пагубность подобной политики, вылившейся в рискованную военную авантюру, при которой люди не знали, кто ее разрабатывал, кто принимал решения, кто несет ответственность за людские потери.

В условиях тоталитаризма человеческие жертвы не являются серьезным аргументом при реализации той или иной рискованной политики. Главное в такой политике – продлить власть верхов любой ценой и, не в последнюю очередь, насилием, порождающим страх. Тайна политического риска вскрывается лишь значительно позже, после смерти верховных властителей, при соответствующих объективных условиях: гласности, зачатках демократизма, плюрализма, свободы. Только в условиях истинно демократических политических режимов допустимый уровень политического риска не сопряжен с насилием в его крайних формах проявления – массовом унижении и уничтожении людей своей страны. Культура демократии способствует искоренению чувства страха, безответственности, порождает легитимность политической власти, ее структурных элементов, при которой политика идет «снизу», а «верхи» находятся под контролем «низов». В таких условиях планка допустимого уровня риска постоянно повышается, т.е. риск становится вполне нормальным способом политической деятельности, охватывающим все большее число управляющих и управляемых. Он основывается не на страхе, а на ответственности, культуре личной, сопряженной с коллективной. В коллективных интересах личность видит свои личностные интересы и потому сознательно интегрируется в целое. Поскольку это целое есть политическое, то проблема риска как чего-то внеличного, второстепенного в политике начинает отходить на второй план. Политика и риск действительно становятся нерасчлененными. Политик есть человек риска – это вполне нормальная характеристика политического деятеля в странах с развитой демократической системой.

Россия не является сегодня страной с отчетливо выраженной демократической доминантой. Демократические основания в ней только формируются, складываются. Но основные тенденции перехода от тоталитаризма к демократии уже просматриваются. А.П. Бутенко выразил их следующим образом: перемены в общественном сознании, связанные с заменой монополии на информацию гласностью, утверждением свободы печати; разрушение или трансформация государственной системы массовых репрессий, террора; преобразование характерной для коммунистического тоталитаризма политической системы в демократическую политическую систему с общепринятым разделением властей и многопартийностью; конституционно-юридическое оформление демократических порядков и прав граждан; формирование с помощью демократических выборов всех вертикальных и горизонтальных структур демократической власти [11]. Совершенно очевидно, что эти тенденции, их реализация требуют множества политически рискованных действий субъектов, которые могут создать условия для истинно демократического политического режима. И первую роль в этом процессе играет демократическая культурная личность, для которой политический риск является обычной областью принятия ответственных решений, поскольку она к нему подготовлена ни поскольку объективные факторы не препятствуют рискованной деятельности. Стадия понимания допустимого уровня риска в демократическом государстве и обществе не протекает в острой, заранее predetermined кем-то форме, а является результатом осознанного выражения диалектики объективного и субъективного в политической жизни общества. В таких условиях ничто не мешает четко выявить области политического риска: минимальную, повышенную, критическую, недопустимую, безрисковую. При *минимальной* области риска результат политической деятельности субъекта не превышает его возможного планируемого результата. Иными словами, достижение цели политической деятельности субъекта достигается ценой минимальных потерь. При *повышенной* области риска субъект может: во-первых, остаться на уровне нереализованных политических интересов; во-вторых, результат его деятельности не достигает планируемой цели; в-третьих, потери субъекта могут быть значительными, но меньше возможного планируемого полученного результата. Следует иметь в виду, что степень риска во многом зависит от стабильной общественной жизни. В условиях кризиса и нестабильности возникает ситуация, при которой степень риска может быть минимальной при максимальной прибыли. В послании Президента РФ Собранию 1997 г., например, отмечается: «Сегодня в России степень риска быть привлеченным к ответственности несопоставима с получаемой от преступной деятельности прибылью» [12]. При *критической* области риска субъект рискует потерять свой политический имидж или проиграть политическое дело, не осуществив свой политический интерес. Такой риск нежелателен, поскольку субъект может не только потерять свою легитимность, но, что еще хуже, показать свою полную профессиональную беспомощность и некомпетентность. Можно сказать, что критическая область риска есть объективный показатель, насколько профессионально или непрофессионально руководство и управление общественно-политическими процессами в обществе и государстве. При *недопустимой* области риска вероятность политического проигрыша, политической катастрофы очень велика. Собственно, данная область риска очень нежелательна, поскольку результаты деятельности субъектов при ней, как правило, не отражают интересы народных масс. Негативные

последствия в этой области риска вызываются неумением анализировать политическую ситуацию, субъективизмом, популизмом. Безрисковая область характеризуется сохранением стартового положения субъекта, это деятельность без каких-либо существенных изменений, трансформаций и модернизаций политических ношений. Эта область может выступать как определенная норма, сложившаяся в условиях тоталитарного политического режима, что сказывается на проблеме легитимности политической власти, ее субъектов, характере взаимоотношений власти и народа. Поскольку для России эта проблема является новой и по-своему частично решаемой в переходный период общественного развития, то остановимся на ней подробнее. В сложных современных условиях, когда наше общество находится в переходном состоянии, большое значение приобретает легитимность существующей политической системы. Это вполне объяснимо – проблема легитимности является ключевой в обеспечении политической стабильности общества. Легитимной можно признать лишь ту власть, способ установления и результаты деятельности которой согласуются с общественным сознанием больших социальных групп [13]. Абсолютно легитимной политической системы быть не может, следовательно, любая политическая система является частично легитимной.

В реальной политической практике усилия политической системы направлены на достижение легитимности и решительную борьбу со всеми, кто ставит эту легитимность под сомнение. Легитимизация (процесс достижения легитимности) представляет собой совокупность усилий, которые предпринимает политическая система, каждый ее элемент с целью вызвать и культивировать мнение, что существующие политические институты в наибольшей степени подходят данному обществу. За время существования Советской власти в нашей стране проблема легитимизации политической системы, ее институтов решалась по-разному, в соответствии с конкретными историческими условиями. После победы революции в 1917 г. главным основанием легитимности власти считалась революционная целесообразность, предполагающая реализацию исторической миссии коммунистической партии – построение нового общества. Для данного этапа легитимизации политической власти характерно использование насилия в отношении классовых врагов и политических оппонентов. Появившийся вскоре тезис о нарастании классовой борьбы по мере укрепления социализма позволил обеспечить устранение и настоящих, и, главным образом, мнимых противников. Следующий этап легитимизации политической власти можно охарактеризовать тенденцией подмены идеалов и ценностей социализма самоценностью государственности, Государство из объекта легитимизации превращается в субъект, в главный легитимизирующий аргумент. Процесс утверждения тождественности государства, социализма, власти и народа порождает новую форму социалистической легитимности, отличительная черта которой – добровольное, сознательное одобрение политических институтов социалистического государства и деятелей, которые им руководят.

В качестве особенностей легитимизации политической власти на третьем этапе существования социализма можно выделить фальсификацию достижений социально-экономического развития страны по сравнению со странами капиталистического лагеря. Существующая в то время разветвленная сеть агитации и пропаганды активно занималась пропагандой социалистического образа жизни, обоснованием его преимуществ над противоположной системой. Обретаемая в условиях такой пропаганды уверенность в завтрашнем дне снимала с повестки дня вопросы правомочности существующей системы власти. Помимо специфических особенностей легитимизации власти Советов, существовали и общие принципы ее обоснованности, независимо от этапов развития общества. В качестве универсального средства легитимизации, для обоснования права повелевать своими гражданами государством использовалась ссылка на законы природы и истории. Классическая теория демократии призвана была доказать, что только социалистическое государство гарантирует всеобщее и сознательное участие граждан в политике и поэтому пользуется их поддержкой. Бихевиоризм тоже был весомым аргументом, поскольку его действия признавались легитимными.

Другим элементом легитимизации власти коммунистической партии на протяжении всего периода строительства социализма являлась система политических мифов или иллюзий. Власть стремилась доказать, что потребность повелевать и подчиняться, глубоко укоренена в истории и психике человека, а существующее неравенство является оправданным и справедливым. Идеологические и политические обещания выработали в обществе такую самодисциплину, которая, по инерции, оправдывает и сегодняшнее отречение от элементарных благ во имя будущего благосостояния. Важным средством оправдания власти и ее укрепления на всех этапах является конформизм, привычка подчиняться не только и не столько начальству, сколько группе, коллективу. До недавнего времени в нашем обществе общественного мнения практически не существовало, оно являлось монополией власти и использовалось ею для того, чтобы принудить каждого индивида к послушанию. В интересах власти было насаждать и укреплять рутину и инерцию во всех сферах общественного разделения труда. Длительный процесс легитимизации политической власти, начавшейся в 1917 г., был нарушен в 1985 г., с началом перестройки. Лидеры КПСС засомневались в легитимности своей власти и сделали попытку решить эту проблему через существующие структуры – Советы. В нашей политической практике к вопросу о полновласти Советов обращались, главным образом, в моменты политических кризисов, поскольку это давало возможность через подконтрольные и послушные органы на местах легализовать произвол высшей власти. Как известно, этот процесс скоро перерос в кризис структурной легитимности, характеризующейся полным и окончательным крахом веры в эффективность имеющихся институтов и механизмов власти. Дальнейшее

углубление кризиса политической власти в большей степени связано с потерей идеологической легитимности, выбором новой парадигмы общественного развития. Усиливающиеся противоречия между ценностями культуры, реально функционирующими в обществе, и социальными отношениями, формирующимися на принципиально иной, рыночной, основе, порождают дискомфортность существования широких слоев общества, вызывают негативное отношение к реформам. После эйфории начального этапа, всеобщей критики прежней системы произошел резкий спад политической, а затем и социальной активности. В новых условиях плавный переход к демократическому режиму и его последующая стабилизация во многом зависят от того, сумеет ли политическое руководство обеспечить себе легитимность на уровне широких слоев общества, органично интегрировать оппозицию, достичь консенсуса между основными политическими силами. Необходимо также отметить, что легитимность и доверие к власти будут зависеть от очередности принимаемых решений, проводимых мер, результативность, быстрая отдача которых, несомненно, расширит социальную базу сторонников режима и тем самым сократит число его противников. Достижение состояния легитимности власти, особенно в переходный период, разумеется, связано с политическим риском. К сожалению, решение проблем о путях выхода из кризиса и ослабления напряженности в обществе часто ограничивается общими рассуждениями. В политической практике не используется разработанная специалистами модель, дающая возможность выбора вариантов на стадии стратегического планирования с целью реализации тех альтернатив, которым соответствует оптимальное сочетание факторов для нашей страны. Пока приходится констатировать отсутствие оценок степени политического риска, управления его осуществлением, особенно в экономической сфере.

Последствия неоднозначной и противоречивой национальной политики в полной мере сказались на положении в Российской Федерации. Наиболее отчетливо они проявились в повальной суверенизации автономий, дезинтеграции экономики, во взаимных территориальных претензиях, в реальной угрозе распада страны на национальные и региональные анклавы. В то же время, несмотря на всю остроту протекания национальных процессов, распад России, по аналогии с СССР, не является неизбежным. Республики, края, области, автономии органично вплетены в общероссийский хозяйственный комплекс. При этом субъекты РФ не обладают той степенью политико-экономической целостности и самостоятельности, которая была присуща бывшим союзным республикам. В целом им свойственен общий вектор политического развития. Кроме того, под влиянием процессов, происходящих в пределах бывшего СССР, постепенно приходит понимание того, что значит на практике разрушение такого целостного организма как государство. Все более глубоким становится осознание, что из того экономического и социально-политического кризиса, в который ввергнута страна, в одиночку не выбраться. Что касается центробежных тенденций, то они обусловлены, во-первых, ухудшающимся общим экономическим положением, во-вторых, медлительностью в осуществлении давно назревших и осознанных обществом изменений в федеративных отношениях. Ведь даже после подписания федеративного договора многие его принципиальные положения длительное время не конкретизировались, следовательно, не реализовывались. Сепаратизм сегодня носит, прежде всего, региональный характер. Он во многом искусственно подогревается деструктивными силами псевдонационального (националистического) и популистского толка, эксплуатирующими национальные чувства людей. Характерная черта современной внутрипартийной ситуации в России – усиливающаяся политизация общественного, в том числе национального сознания. В нашей жизни, а значит, и в российской политике, нужно исходить из того, что нация представляет собой именно социально-этническую общность людей с присущими ей политическими, экономическими и духовными интересами. Решение национального вопроса является одновременно и целью, и условием радикальных общественных преобразований.

На этапе становления новой государственности России, очевидно, особого внимания заслуживает один из уроков 20-х гг., а именно: не следует добиваться единообразия, пытаться создать строго упорядоченные, но не способные к изменениям под влиянием объективных условий, структуры и связи. Во главу угла должны быть положены *многообразие, поливариантность*. Едиными являются цели и принципы объединения. Степень же и характер интеграции, конкретные формы политических, хозяйственных, научных, культурных и иных связей могут и должны быть различными. Устойчивость социальных систем – в гибкости их структур, в их открытости для подлинно исторического творчества. При определении государственно-правового статуса народа нельзя сбрасывать со счетов пройденный им исторический путь, особенности объединения в российском государстве, нынешнюю социально-экономическую и политическую ситуацию. Учет национально-особенного может осуществляться в рамках региональной экономической политики. Это предполагает соединение процесса национально-государственного переустройства страны с формированием единого экономического пространства. Субъектами рыночных отношений будут не только непосредственные производители; общероссийский рынок – это совокупность множества национальных и региональных рынков. Необходимо выработка гибких подходов к методам и срокам проведения реформы, исходя из конкретной социально-экономической ситуации, динамики развития рыночных структур, рыночного менталитета населения, хозяйственных традиций. Тут нет мелочей. К примеру, если в ходе приватизации не учитывать этнический состав трудовых коллективов промышленности и сельского хозяйства, во многих республиках и автономиях рано или поздно возникнут предпосылки для серьезных межнациональных столкновений.

Национальные проблемы необходимо рассматривать не в статике, а в движении, видеть их реальные пружины, взаимодействие противоположных тенденций, взаимопереходы, и взаимообусловленность

элементов, включенных в национальные процессы. Это не только и даже не столько академические, сколько практические вопросы современной политики. Нынешний кризис межнациональных отношений в РФ, будучи неразрывно связанным с состоянием общества в целом, имеет и свои собственные причины. Его объективную сущность составляют резко обострившиеся на переломном этапе развития страны противоречия: между растущим стремлением народа к внутринациональной консолидации и процессом интеграции общества, имеющим социально-экономическую обусловленность; между суверенизацией частей федерации и объективной потребностью сохранения в упрочения, в интересах всех народов, общероссийской государственности; между выявившимися в ходе демократических реформ специфическими интересами народов и необходимостью взаимного поиска компромиссов при их реализации; между потребностью согласованного проведения экономических и политических реформ на территории федеративного государства и наличием существенных различий в уровнях социально-экономического развития регионов, их готовности к преобразованиям. Обострение противоречий в межнациональных отношениях в России – отнюдь не уникальное явление. Во многих странах эти проблемы периодически выдвигаются на передний план. Кроме специфических причин этого явления имеются и общие: урбанизация, развитие новых форм экономических связей и современных средств массовой информации, ломка традиционного уклада жизни и нивелировка культурно-национальных различий под влиянием НТР, миграция. Само существование, развитие перечисленных процессов таит в себе возможность ответной реакции в виде всплеск национализма и сепаратизма. Политический риск в межнациональных, как впрочем, и в других видах общественных отношений, является обычным явлением. Проблема состоит в том, чтобы научиться осознавать его условия, управлять риском, а для этого необходима политическая культура, одним из существенных компонентов которой является политический риск. Итак, мы установили, что политический риск динамичен, процессуален, стадиялен. Стадии политического риска – это появление политической проблемы, ее обнаружение, разработка программы деятельности, рискованная деятельность, контроль за ее осуществлением, преодоление неопределенности, достижение результата рискованной деятельности.

Литература

1. Социс. 1995. № 11.
2. Полис. 1995. № 4.
3. Незнавшая газета. 1995. 10 октября
4. Известия. 1995. 1 декабря.
5. *Гидденс Энтони*. Судьба, риск и безопасность // Тезис. 1994. № 5.
6. *Никсон Р.* На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении. М., 1992.
7. *Зайцев Ю.* Математика и политика // Труд, 1995. 2 декабря.
8. Все мы немножко группа риска // Россия. 1994. № 48.
9. Выборы и общественное согласие // Московские новости, 1995. №80.
10. Философия политики. М., 1994.
11. *Бутенко А.П.* От тоталитаризма к демократии: общее и специфическое // Социально-политический журнал, 1995 г., №6.
12. Российские вести. 1997. 7 марта.
13. Элементы теории политики. Ростов-на-Дону, 1991.

Ростовский юридический институт МВД России

10 марта 2007 г.

© 2007 г. *И.В. Болдырева*

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политическое поведение – одна из главных составляющих современной общественной жизни. Будучи важнейшей составной частью широкого социального поведения, системы адаптации личности и социальных групп к внешним условиям, способом функционирования в системе конкретного социума и формой преобразования социальной среды, отражает и многообразие форм его проявления. В рамках настоящей статьи автором предпринимается попытка выявить связь между политическим поведением и процессом трансформации российского общества.

К сожалению, становится объективной реальностью развертывание политических процессов на фоне мифологизации действительности, следовательно, политическое поведение российских граждан становится реакцией не столько на социально-политические реалии, сколько на стереотипное, навязанное, зачастую виртуальное социально-политическое и экономическое пространство. К примеру, во многих регионах России в период проведения выборов надежно срабатывает стереотип крепкого хозяйственника (Ю. Лужков), сильной личности (А. Лебедь), защитника национальных интересов (Р. Кадыров), максимальной приближенности к Кремлю, а значит и к ресурсам (В. Матвиенко) и др. Именно стереотип, как «устойчивый и упрощенный образ социального объекта, складывающийся в условиях дефицита информации как

результат личного опыта индивида и нередко предвзятых отношений в обществе» лежит в основе современного политического мифотворчества (В. Шнирельман) [1, с. 26]. Миф отображает ожидания, надежды и страхи больших социальных, экономических, национальных групп и, таким образом, вдохновляет массы на необходимые политические действия и способствует установлению отношений власти и населения по типу «господство – подчинение». Согласно концепции легитимного господства М. Вебера существует три типа отношений «господство – подчинение» (типы властвования): 1) традиционный; 2) легальный; 3) харизматический [2]. Для современного российского общества с его частыми социальными и экономическими переменами, одним из типов политических лидеров, однозначно определяющих вектор политического поведения, является лидер – популист, который, как правило, выражает реальные нужды широких народных масс, активно втягивающихся в политическую жизнь, стремящихся непосредственно воздействовать на официальные институты власти, на принятие важных политических решений. При этом политический эффект зачастую достигается за счет сиюминутных средств, а сам политик ориентирован на частный результат ближайшего времени, игнорируя долговременные последствия принимаемых решений. В современных российских условиях данные типы представляют собой эклектическую смесь, не предопределяющую определенные типы политического поведения масс. Данный тип политического лидера широко распространен в России переходного периода и связан с рядом особенностей российской культуры, экономики и политики, таких как: отчуждение в течение длительного времени граждан России от участия в политической жизни; вера в нереальные и часто неисполняемые обещания [3].

В условиях трансформаций и модернизаций, согласно теории Э. Гидденса общество характеризуется: разделением пространства и времени и увеличением расстояний (отношения с людьми, находящимися на довольно большом расстоянии друг от друга); высвобождением от общинных социальных связей (разрыв социальных отношений от «локальных контекстов взаимодействия» и их перенос на неограниченные промежутки пространства); рефлексией (личность становится продуктом самоисследования) [4, с. 488]. С точки зрения же структурированности политического пространства, политическое поведение в современной России подразделяется на несколько вертикальных уровней: 1) федеральный, региональный и муниципальный; 2) федеральный и национальный), а также на несколько горизонтальных уровней (город – деревня, активисты – абсентеисты, женщины – мужчины, элиты – массы и другие). Такая ярко выраженная дифференциация по вертикали и горизонтали приводит к отходу политического поведения от массовости и переходу к фрагментарности, вызванной многообразием профессий и сложившихся стилей жизни. В политической сфере это выражается в возникновении множества социальных интересов требующих быть учтенными и представленными в современной политической жизни. Для современной политики это означает, по словам Э. Тоффлера, что сегодня ни один кандидат на выборах не в состоянии собрать однозначное большинство голосов, т.к. «политическая клиентура распадается на великое множество мелких, временных, однопроблемных группок, которые беспрестанно объединяются, разъединяются и вновь объединяются в альянсы, причем это происходит очень быстро. Мы входим в тот этап политической жизни, который может быть назван «временем возможностей» для решающих меньшинств» [5, с. 302]. В качестве еще одной особенности политического поведения в современной России необходимо отметить низкую политическую активность. Причины такого явления обуславливаются несколькими факторами. В России основная часть акторов переходного процесса не была допущена к участию в институциональном оформлении постсоветской системы. Сам переход от советского строя может характеризоваться как «навязанный». К тому же «выборы в России пока еще не стали механизмом смены власти. Ни разу смена политического курса правительства или отдельных его аспектов не была связана с демократической подотчетностью. Ни разу выборы, даже будучи свободными, в плане доступа к участию в них избирателей и кандидатов, не являлись справедливыми в плане равных условий предвыборной борьбы» [6, с. 13]. Таким образом, мы связываем абсентеизм с таким неучастием, которое вызывается стойким неверием в то, что с помощью выборов можно решить значимые для общества (для себя, для идентифицируемой группы) проблемы, недоверием к справедливости подсчета голосов, решения процедурных вопросов, апатией и аллергией граждан по отношению к политике. Более того, политические реалии современного мира доказывают снижение избирательной активности граждан во всем мире. В таком случае невозможно говорить о всенародном избрании, если за кандидата голосуют всего лишь несколько процентов избирателей.

Раскрывая субъектные составляющие политического поведения на современном этапе российской истории, необходимо отметить роль населения в политике и жизни страны в целом. Согласно Конституции РФ «...носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Также «...народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [7, с. 5]. Однако реальное отчуждение большей части населения от власти отрицает подлинную свободу выбора. На данное противоречие указывает Т.В. Плотникова, отмечая, что «...не выявив подлинный статус граждан России в политике, нельзя говорить о социальных слоях как о субъектах политического поведения» [8, с. 240]. Важнейшим направлением в изучении политического поведения российских граждан в контексте социально-политических трансформаций является его исследование сквозь призму электорального поведения, как «...системы взаимосвязанных реакций, действий или бездействий граждан, осуществляемых с целью

приспособления к условиям проведения политических выборов и непосредственно демонстрируемых избирательными процедурами» [9]. Важнейшим направлением в изучении политического поведения российских граждан в контексте социально-политических трансформаций является его исследование сквозь призму электорального поведения, как «...системы взаимосвязанных реакций, действий или бездействий граждан, осуществляемых с целью приспособления к условиям проведения политических выборов и непосредственно демонстрируемых избирательными процедурами» [9, с. 29]. По мнению некоторых политологов (А. Лаврова, Р. Туровский, Е. Мелешкина, Н. Анохина) наибольшее влияние на политическую дифференциацию электората оказывает, его «поселенческая» структура [10]. Чем выше доля городского населения, тем прочнее электоральная база центристских и демократических сил. Левым силам, напротив, благоприятствуют высокая доля сельского населения.

По мнению автора настоящей статьи, на современном этапе развития России гораздо веселее дифференциация не между селом и городом, а отношения между «русскими» и «национальными» территориями, между центром и периферией. Можно предположить, что типологизация по принципу «демократически настроенные» и «левые» регионы устарела, в силу того, что и «левые», и «демократические» силы сегодня – оппозиция власти. Следовательно, электоральное поведение на региональном уровне становится катализатором лояльности к власти, а не показателем идеологической, и тем более партийной идентификации. А это, в свою очередь – свидетельство появления регионов с «особой электоральной культурой», где имеются значительные ресурсы «управляемого электората», который всегда ведет себя на выборах так, как нужно местной власти. Следует согласиться с Д. Орешкиным, считающим, что «...всем специалистам по избирательным проблемам России приходится признать, что значительная доля российского электората принадлежит не «левым», «правым», «центристам» или «националистам», а прагматичным региональным начальникам [11, с. 43]. Подводя итоги анализа политического поведения российских граждан в период трансформации мы можем отметить, что для политического поведения характерно как перманентность политического поведения (к примеру, весь период постсоветских преобразований характеризуется отчуждением населения от власти и недоверием к ней), так и, напротив, периодические маятниковые изменения (так, от ярко выраженных форм протестного поведения – забастовки, митинги начала 90-х, политическое поведение россиян переросло в политическую апатию и абсентеизм начала XXI в.); постепенный переход от политико-экономических требований и целей политического поведения к политико-национальным и экстремистским. Изменение социально-политического и экономического контекста политического поведения: от «парада суверенитетов» начала 90-х до жесткой централизации и концентрации власти в настоящее время; поляризация и социально-экономическое расслоение общества; отсутствие форм любой конкуренции и равных возможностей; отсутствие консолидирующей модели будущей России. Исходя из вышеизложенного, следует отметить прямую взаимосвязь между подданнической моделью политического поведения и современным этапом трансформации, а также возможностью формирования либерального типа политического поведения и подлинной модернизации общества. В таком контексте, правомерно признать, что все макрополитические процессы связаны с поведением и действиями вполне конкретных социальных общностей, механизмы действий которых напрямую связаны с легитимизацией политической системы в целом.

Литература

1. *Абрамов С.А., Богомолов Б.А.* К вопросу о типологизации электорального поведения российских граждан в 90-е годы // Вестник Московского университета. Сер. 12. 2000. №6.
2. *Вебер М.* Три чистых типа легитимного господства: социологический этюд / Социология: Хрестоматия. М., 2003.
3. *Авцинова Г.А.* Политическое лидерство // Государство и право. 1993. № 5.
4. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб., 2002.
5. *Тоффлер О.* Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XX в. М., 2003.
6. *Гельман В.Я., Елезаров В.П.* «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации // Первый электоральный цикл в России (1993-1996 гг.). М., 2000.
7. Конституция Российской Федерации. М., 1996.
8. *Плотникова Т.В.* Политическое поведение в России. Ростов-на-Дону, 2004.
9. *Лебец А.С.* Политико-правовой анализ электорального поведения российских граждан // Философия права. 2005. № 2.
10. *Лавров А.М.* Российские регионы сквозь призму выборов. www.iet.ru/usaid/electfacts/3.htm
11. *Орешкин Д.Б.* География электоральной культуры и цельность России // Политические исследования. 2001. № 1.

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ

По нашему мнению, обострение национальных отношений в мире, обусловленное целым рядом экономических, политических, мировоззренческих, многих других причин, делает наиболее злободневными вопросы, связанные с философскими основаниями таких явлений правовой действительности, системы культурных ценностей и национального самосознания, как национальное самоопределение и национализм. Очевидно, что данные явления не имеют непосредственной связи, различаются как объемом понятий, так и их признаками. Между тем, реально складывающиеся национальные отношения, порой, взаимообуславливают их, когда либо национализм культивирует тенденции самоопределения, либо политика самоопределения является предпосылкой развития национализма.

В словаре С.И. Ожегова «самоопределение» трактуется как «выявление народом своей воли в отношении своего национального и государственного устройства» [1, с. 693]. «Национализм» же определяется как «...идеология и политика, исходящая из идей национального превосходства и противопоставления своей нации другим...» [1, с. 396]. Нельзя сказать, что национализм является идейным источником национального самоопределения, поскольку оно может иметь в качестве доминирующих мотивов не абсолютизацию роли своей нации в истории, национальное превосходство и др., а экономические и политические интересы, реализация которых далеко не всегда сопровождается обострением национального самосознания, ведущего к национализму. В то же время, следует отметить, что национальное самоопределение как процесс политический, всегда сопряжено с осознанием единых, жизненно важных интересов этно-нации, поскольку, собственно, *политическое* содержание этого явления заключается как раз в реализации этих интересов. Это, в свою очередь означает, что процесс национального самоопределения невозможен без развитого национального самосознания. Но, подчеркнем, что развитое национальное самосознание и национализм не есть одно и то же. Таким образом, предварительно можно заключить, что если национализм всегда предполагает национальное самоопределение как институциональную правовую форму реализации осознанных интересов нации, то национальное самоопределение, как таковое, есть более широкое явление политической и правовой жизни, а значит, не всегда предполагает национализм в качестве ведущего фактора этого процесса. Говоря о национализме, следует отметить, что это явление постоянно воспроизводимое в истории. Так, XX в. дает три всплеска национализма. Первый из них, начинаясь после Первой мировой войны 1914-1918 гг., приходится на межвоенные годы. В это время национализм бурно развивается в Европе. Другой всплеск начинается после Второй мировой войны 1939-1945гг. и распространяется в колониальных и полуколониальных странах. Третий всплеск, начинаясь после окончания «холодной войны», продолжается и по сей день. Поле его действия чрезвычайно велико. Но прежде всего, это страны Третьего мира (Латинская Америка, Африка, Юго-Восточная Азия и пр.). Сегодня консервативные тенденции набирают силу в России, знаменуя становление национального самосознания. Хотя каждый из этих всплесков национализма обусловлен своими конкретно историческими причинами, следует отметить, что все они, прежде всего, решали задачу самоопределения. При этом государство рассматривалось как способ решения этой задачи. Поэтому национализм в качестве консервативной тенденции в национальном сознании всегда сопряжен с этническим, социальным, культурным и политическим самоопределением. Т.е., он всегда противостоит интегративным (универсалистским) идеологиям. И чем больше развита этническая озабоченность, концептуально выражаемая как угроза самобытной культуре, тем в более крайних формах может проявляться национальный консерватизм. Примечательно, что если в прошлом национализм решал в основном задачу развития национального самосознания в процессе государственного строительства, предполагал интеграцию нескольких родственных этносов в нацию, то теперь он реализуется в рамках этнолингвистической идентичности, в пределах одного этноса. Тем не менее, несмотря на отмеченные выше тенденции развития национализма, следует говорить об императивной важности сформированной в результате длительной социокультурной эволюции, политического и правового развития общества *идеи* национального самоопределения. Она органически вписывается в общий контекст государственности *или идеи государственности*, как политической и правовой технологии реализации самоопределения. Поскольку Россия в целом культивирует две таких идеи, которые нашли выражение в наиболее позиционируемых на протяжении двух столетий направлениях общественной мысли, славянофильстве и западничестве [2], то, очевидно, следует говорить о двух идеологически альтернативных моделях национального самоопределения.

Так, вполне оформились и нормативно действуют как в политическом и правовом дискурсе, так и политической практике либеральная и консервативная идеи национального самоопределения. Либеральная идея самоопределения основывается на личной свободе индивидуума, реализуемой институтами демократии. По мнению одного из либеральных исследователей, проблемы национального самоопределения «Самоопределение нужно изначально рассматривать как самоопределение каждого индивидуума. Так как в современном обществе люди больше не могут жить так, как им заблагорассудится, поскольку они объединены в единый социум, необходимо, чтобы частичная потеря своей независимости или самоопределения компенсировалась участием в процессе принятия решения на государственном уровне.

Таким образом, демократия – первая цель, которую необходимо достигнуть на пути к самоопределению. Чем ниже располагается демократический орган, посредством которого индивидуумы участвуют в процессе принятия решения, тем большую степень самоопределения получает индивидуум» [3]. Следует отметить, что либеральная модель национального самоопределения реализована во многих странах. Достаточно упомянуть Швейцарию, Канаду, США, Австралию. Однако наиболее полно она представлена опытом Швейцарии. Либеральная идея самоопределения состоит в отождествлении национального (этнического) и гражданского. Таким образом, реализация правовой и политической системой гражданских свобод объявляется гарантией реализации и этнических интересов. И хотя в Швейцарии каждый кантон согласно Конституции утверждает в качестве государственного язык этнического большинства, вопрос о национальной идентичности и ее институционально-правовом обеспечении не стоит. Следует отметить, что наиболее полное воплощение либеральная идея национального самоопределения нашла в доктрине мультикультурализма, которая провозглашает этническую фрагментацию общества на основе равенства прав всех граждан, независимо от расовой принадлежности, вероисповедания и национальности, способом национального самоопределения. Однако практика США, Канады и Австралии показала, что такой подход к проблеме национального самоопределения не решает задачи интеграции общества, которая происходит, вопреки ожиданиям, на основе гражданства. Кроме того, этническая консолидация, объективно возникающая в качестве неизбежной тенденции, ведет к дезинтеграционным процессам.

В отличие от либеральной, консервативная идея национального самоопределения основана на коллективной свободе. При этом идея направлена на формирование тех условий социальной, политической и правовой действительности, которые ведут к воспроизводству факторов коллективной консолидации в виде традиций, ценностей, образа жизни, составляющих основу коллективной самоидентификации. Концептуально это выражено в виде руководящей, исторически преемственной идеи, ведущей нацию, а вместе с ней и другие народы, к социальной гармонии. Следует сказать, что данная идея имеет очевидные признаки национализма. В определенных исторических условиях она может консолидировать многонациональное общество. Но современный международный политический контекст делает ее скорее деструктивной, чем созидательной. Подобную идею национального самоопределения культивирует не только Россия, но все страны с четко выраженным этническим большинством. Однако реальная практика редко находит применение данной идее. Глобализация, скорее, определяет либеральное направление решения национального вопроса, легитимируя либеральную идею самоопределения. Анализ правового поля России позволяет утверждать, что в стране нашла политическую и правовую институционализацию либеральная идея национального самоопределения. Нормы Конституции России, провозглашая право наций на самоопределение, формируя структуру федеративных отношений, наделяя субъекты федерации большим объемом полномочий, тем не менее, сводят этот процесс к гражданской сфере. Так, если говорить о законодательстве, имеющем отношение к этничности, то оно в основном концентрируется либо на вопросах правовых запретов дискриминации, ксенофобии или национального экстремизма, либо на проблемах реализации прав и свобод этнических меньшинств. В данном контексте наибольшее значение приобретает Федеральный закон «О национально-культурной автономии» 1996 г. (в новой редакции 2003 г.), который фактически переводит вопрос национального самоопределения из политической в гражданскую сферу. Это подтверждается и тем, что современные тенденции формирования государственной национальной политики связаны с ослаблением государственного регулирования национальных отношений.

Литература

1. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1990.
2. *Контарев А.А.* Идеи российской государственности. Ростов-на-Дону. 2000.
3. *Фляйнер Т.* Правовые механизмы и процедуры для предотвращения и решения национальных конфликтов из опыта швейцарской конституции // Казанский федералист. 2003. №3.